

# Продолжатель новаторских традиций русской вокальной школы

Евгений Нестеренко буквально завоевал музыкальный мир — его выступления встречали овациями в Буэнос-Айресе и Варшаве, Мюнхене и Вене, Милане и Лондоне.... Широкая, мощная размах, удивительная искренность определяют художественный облик ведущего баса Большого театра СССР. Он не просто исполняет, он, можно сказать, исследует каждый создаваемый им образ, привлекая знание литературы, истории, театра, опыт своих предшественников.

Своеобразным «путеводителем» по насыщенной жизни Нестеренко в искусстве могут служить коллекции гравюр, запечатлевших здания и интерьеры самых знаменитых оперных и концертных залов мира, где он пел, фонотека, в которой собраны записи его концертов и премьер. Надо сказать, что его собственной дискографии могут позавидовать самые активные вокалисты: более 45 дисков, из них несколько — специально посвященных Мусоргскому.

Одержимость музыкой привнес в Евгения, еще студента ленинградского строительного института, а потом — Ленинградской консерватории, профессор Василий Луканин. После смерти учителя Нестеренко отредактировал его книгу об искусстве русского вокала. Кстати, недавно Евгений Нестеренко — уже сам профессор Московской консерватории — сдал в издательство «Искусство» свою первую книгу «Когда гаснут огни рамп. Размышления о певческом искусстве». И в этом факте, когда 43-летний артист предстает как театральный публицист, автор очерков о своих коллегах по Большому театру и миланскому Ла Скала, о доме-музее любимого композитора М. П. Мусоргского, — темперамент не только выдающегося мастера, но и темперамент общественный, гражданский.

В начале 60-х годов Дмитрий Шостакович, слушая в ле-

нинградском Малом оперном театре «Катерину Измайлову», обратил внимание на талантливого исполнителя небольшой партии священника. Это был Евгений Нестеренко. Вскоре молодой певец становится интерпретатором новых сочинений композитора, которые он и пишет «на его голос». Напутствие Шостаковича стало колоссальным стимулом для дебютанта в стремлении освоить практически весь мировой базовый репертуар.

Богата образно-вокальная палитра Нестеренко: он с успехом поет в операх итальянских и французских композиторов, но прежде всего он яркий интерпретатор русской и советской музыки — Глинки, Мусоргского, Чайковского, Бородин, Прокофьева, Шостаковича, Свиридова... Недаром Шостакович назвал его «продолжателем новаторских традиций русской вокальной школы».

Особо следует сказать о даре Нестеренко в воплощении музыки М. П. Мусоргского — оvationи сопровождали его монопрограммы из произведений композитора и на 25-тысячной арене в Вероне, и в зальцбургском «Мопартеуме», и в скромном сельском клубе на родной Мусоргскому Псковщине, и в уютных комнатах Пушкиногорского музея-заповедника.

«Мусоргский — один из крупнейших композиторов мира, один из реформаторов музыкального искусства, с именем которого возникает образ России», — говорит Нестеренко. Вот почему так закономерен его цикл из песен и романсов Мусоргского, прозвучавший в минувшем сезоне: впервые в истории музыкального творчества были исполнены все 59 вокальных шедевров композитора.

Бориса Годунова в одноименной музыкальной трагедии Мусоргского Нестеренко пел почти на всех крупнейших сценах мира. Высокая гармония вокального и актерского мастер-

ства, непривычная лирическая концепция партии получила признание самой искусственной публики. «Вряд ли можно сомневаться, что найдется такой бас со времен Шаляпина, который так мастерски сочетает великолепный голос с таким музыкальным воображением плюс гениальной актерской игрой», — утверждал английский театральный критик на страницах «Гардиан». Нестеренко пел партию во всех ее редакциях: Римского-Корсакова, Шостаковича и Ламма. Певец поддержал инициативу театра в Таллине, впервые в истории обратившегося к первоначальной авторской редакции, не имеющей традиции постановок. «Здесь я возвращаюсь словно бы к началу, к первому чрезвычайно интересному замыслу Мусоргского, — говорит Нестеренко. — Хотелось приблизиться к изначальным идеям композитора, замышлявшего народную музыкальную драму, ныне завоевавшую мир».

Партия Ивана Сусанина в одноименной опере М. И. Глинки — одна из самых последних работ певца. Монументальный образ национального русского героя ему удался. Образ пленяющей простоты, преисполненный особой теплоты, мудрости, значительности, его Сусанин — само олицетворение истинного патриотизма русского крестьянина.

За исполнение партии Бориса Годунова в Государственном академическом театре оперы и балета «Эстония», а также партии Ивана Сусанина в ГАБТе и концертные программы 1977—1980 годов Евгению Евгеньевичу Нестеренко присуждена Ленинская премия 1982 года.

В. Киселев,  
театральный критик.  
(АПН).